

Однако, кажется, что лермонтовским Парусом,
Надежда вновь у берегов отеческих:
Не по курантам – по часам в Хабаровске
Пора сверять бы время быстротечное...

А потому к дальневосточникам причастным
Мне лестно быть в такие дни особо:
Необъяснимой тягою отчасти,
Отчасти же – фамилией отцовой.

Июль 2020

***

Земля мала. Об этом нам давно
Известно и без Маленького принца,
А всё ж смешно – в Хабаровске светло,
Когда в столице ночь глухая длится.
Смешно и то, когда Европа спит,
Ворочаясь и в снах своих витая,
Представить, как на бирже Уолл-Стрит
Прослеживают индексы Шанхая.

***

А. У.

Мне бы тоже к Антону Павловичу
Съездить в Ялту, да вот боюсь,
Что на местных яблонях яблочки
Потеряли свой прежний вкус.

Но ночные стога Левитана
У камина, где грелся он,
И из рам глядящие дамы
В доме старом, как и при нём.

Так вот думается. Только лучше я
Обойдусь без фантазий пока –
Лишь поклон ему мой, при случае,
Передайте издалека.

Июнь 2020

Ольга КРУТИКОВА

выпускница БГПУ 2003 года

НЕ ЗНАЮ, КАК ОЗАГЛАВИТЬ ГРУСТЬ...

***

Бог, конечно, приходит в душу без пропусков,
Без штрих-кодов, паролей, отмычек
и турникетов.

А душа у меня из холодных речных песков.
Все идущие через – следы оставляют где-то.

Каждый след как колодец, как пропасть,
как котлован.

Бог потом удивляется: «Что это, бездна?
Кто изрыл твою душу, кто в ней добывал уран?
Или это пробоины падавших тел небесных?»

Из следов прорастают куплеты, как камыши,
Как тростник высокий – о каждом герое новый.
Бог приносит героев уже готовых,
Говорит: «Вот про этого что-нибудь напиши.

Посмотри, от него непременно бросает в дрожь.
Что ему твоё сердце – возьмёт, как трофей
победный».

Так и быть, соглашаюсь, источник стихов хорош.
Неужели и он не пройдёт для меня бесследно?..

В доме, где вьётся предания дым,
Только и слышно: «Колька».
Кто-то был лично знаком со святым,
Раз в роду Николаи только.
Чтоб в честь его – вот обычай каков –
Каждый был назван сродник –
Строго следит испокон веков
Сам Николай-угодник.
Если ребёнку однажды решишь
Имени дать другого,
То непременно родится малыш
В день именин святого.

Ольга смеётся: «Наперекор
Вашим пойду советам.
Будет мой сын всем назло Егор.
Дочка моя – Виолетта».

Только и брак высоко в небесах
Каждый в семье заключает.
Ольгу из загса несёт на руках
Муж – Николай Николаич.
Позже рождается дочка, и будто
Ангел сошёл светлоликий.
Ольга глядит на неё с минуту
И называет... Никой.

Вот ведь какая бывает, друзья,
В имени мощная сила.
Мы познакомились с Ольгой на днях,
Имя моё спросила.
Стало как будто в груди тесней.
Словно коснувшись таинства,
Я еле слышно ответила ей:
Ольгой зовут, Николаевной...

***

Друг мой, через пару месяцев мне девяносто.
Посмотри, я пишу тебе, руки мои не дрожат.
Над деревней – кедровой смолой льются
жёлтые звёзды.
Лунным мёдом Медведица поит своих медвежат.
Дом мой маленький, печку топлю для порядка,
Да справляюсь сама, по полену ношу со двора.
Смерть, когда это видит, бежит от меня
без оглядки,
Говорит: «Ладно, ладно, ещё не совсем ты стара.
Подожду, но давай-ка, копи понемногу,
Дорожают билеты на вечный небесный курорт.
Сотни тысяч, я думаю, хватит
с тобой нам в дорогу.
Соберёшь – позвони, подгоню
свой летательный борт».

Раз в неделю стараюсь к единственной дочке
Светлане.
Благо, путь не далёкий, спокойно с клюкой
дохожу.

Дом её ещё меньше, в осеннем стоит тумане,
Я сажусь на скамейку, порою часами сижу.
И вокруг ни души, свежих холмиков
спит панорама,
Дочь приходит, как облако, в белой лучистой
пыли.

Знаешь, что говорит мне родная?
«Здесь так себе, мама...
Поживи ещё там, на поверхности милой земли».
Да не плачь над письмом моим,
внуки меня не оставят.
Позовут, может, в город к себе,
как настанет зима.

Посмотри, я читаю газеты в сознании здоровом,
Пополняю овсяным печеньем свои закрома.
Хорошо бы до ста продержаться,
уж больно красивы
Журавли на закате над крышей дырявой моей,
Пахнет сонными травами, речкой напротив
и сливой,
И стихами твоими несёт от кудрявых полей.

***

Мой дед, мой дед, погибший под Берлином,
Скажи, что видел ты в последний раз:
Воронежского храма лик старинный?
Сестры прощальный всполох серых глаз?

Немецкими рассветами отпетый,
Красивый русский молодой комбат,
Мой дед, мой дед, хотя совсем не дед мой,
А бабушки моей любимый брат.

Ты не успел создать семью, беззвучно
В могиле братской спишь на самом дне,
Но я – твоя единственная внучка –
Пишу тебе письмо в небытие.

Мой дед, мой дед, твой помня подвиг славный,
Сегодня празднует цветущая земля.
Хотя какой ты дед, ведь по годам мне
Теперь годишься только в сыновья.

***

Мой личный ангел-хранитель снимает очки
и откладывает Агату Кристи,
Смотрит на меня внимательно глазами цвета
осенних листьев.

«Ну вот опять, – говорит, – сплошное
переживанье, пришла ко мне, плачешь,
Хоть бери и цепляй свои крылья,
чтобы летела. Клатч весь
В слезах и платье. Смотри, у тебя
на каждом глазу – океан Индийский.
Тушь потекла, как верёвка.
По ней пират сомалийский
Взбирается чёрным ужом,
изворачиваясь и скользя.
Всё, сейчас парочка танкеров, словно мух,
утонет в твоих глазах.
Не впервой мне тебя выручать,
выносить на горбу из плена
Мыслей твоих – диких африканских аборигенов.
Но ты по тем же следам возвращаешься,
несёшься напропалую,
А джунгли тебя мачете меж рёбер
целуют, целуют, целуют...
Цепляешься за лианы и в пропасть бездонную
продолжаешь лететь на весу.
Но куда мне деваться? Я – ангел.
Я приду и тебя спасу.
Что же, давай свою душеньку, я её отстираю,
разглажу от шрамов».

Я успокаиваюсь, оттаиваю
и отвечаю: «Спасибо, мама».

***

Сын просит: «Мама, сказку почитай».
И мы садимся. Голубой июнь
Из кружки лета льётся через край,
Ржавеет в облаках луна – латунь.

Приходит фавн из Нарнии, растёт
Фонарный столб в паркете у стены,
Малыш, малыш, тебе четвёртый год,
А у тебя глаза как две луны.

Гляди: на нас из шкафа смотрит лев,
Под потолком кружит воронья стая,
И хоровод из снежных королев
Тебя баюкает, как маленького Кая.

Спи и не слушай, что скажу теперь.
Все сказки пишут, от хандры устав.
Вот Андерсен глядит с тоской на дверь,
Вот Льюис ищет вечного Христа.

Нет никакого лета, есть январь,
К чужому дому – ровная лыжня.
И слышно только, как звонит звонарь
В колокола, что в сердце у меня.

И вся вода – осколки синих льдов,
И ни души, ни голосов – окрест.
Кругом, кругом растёт из острых слов
Непокорённый белый Эверест.

Нет никакой судьбы, есть западня,
Там, в Нарнии, давно погас фонарь.
Всё перепуталось, я – Герда, и меня
На самом деле выкрал Снежный царь.

***

Забери меня к себе, тишина...
Ника Турбина

Где-то есть такой трактир, терем белый.
Дынным ломтиком над ним – месяц спелый.
Земляника у дверей, пахнет хвоей.
Тишина плетёт венки из левкоев.
Зелен пруд, и талым льдом, льдом разбитым
Звёзды падают в него, как в мохито.
Путь не близок, не далёк – шаг из окон.
Тишина тебе сплетёт мягкий кокон.
Приземлишься – а вокруг шелест листьев,
Месяц светится во тьме тенью лисьей.
Тишина на ощупь – дым, тронешь пальцем –
Заберёт тебя к себе постояльцем.

***

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...
Н. Гумилёв. «Жираф»

Не знаю, как озаглавить грусть,
в честь чего назвать,
Мой город сверкает обломками белых льдин,
Как снежной улыбкой, заточенной ослеплять,
Мне скалится молчаливый седой господин.

Он будто уверен, что я перепутала век,
И можно за мной не стесняясь идти по пятам.
Я только не вижу: он призрак ли? Человек?
Никак не могу прочитать по его глазам.

Перчатки изящны его и ботинки остры.
И шейный платок голубеет под чёрным пальто.
Душа гроыхает моя, как мешочек с лото,
И он знает правила этой безумной игры.

Я помню, здесь где-то быть должен высокий
собор,
Там служба идёт, и священник так строен
и строг,

Пожалей меня, я видела
страшный безумный сон,
Я теперь их вижу всё чаще и всё тревожней.
Снилась Индия, разъярённый огромный слон,
Он втоптал в песок мою гладкую тёмную кожу.

А когда в этом городе с тополей срывается пух,
Ветер гонит его по улицам, как конвейер,
Я бегу во сне и читаю молитвы вслух,
И за мной горящей лавиной летят Помпеи.

А ещё – война, эти сотни треклятых войн.
Я – советский солдат, на поле лежу убитый.
Господи, Господи, поговори со мной
На языке холодной земли, в крови умытой.

Поговори, как с индейцами мудрый вождь
На угасающем, на истреблённом навахо,
На языке Марии Стюарт, которой,
скрывая дрожь,
В бархатном платье по-королевски идти на плаху.

Я бы хотела, наверное, стать, как скала, немой,
Чем говорить с погибшим от Холокоста.

Господи, Господи, поговори со мной.
Знаю, Тебе говорить со мной непросто.

Каждый раз я дряхлею, теряю свой чуткий слух,
Если долго живу, но жизнь пролетает махом.
Превращаюсь в уродливых слабых

больных старух,
Так что, может быть, лучше и впрямь на плаху.

И теперь мне известно, что в этой космической
мгле,
Где торшерами тусклыми светят невзрачные
звёзды,

Есть такая же жизнь, как на этой
несчастной земле.

Я не тронулась разумом, я говорю серьёзно.
Не просеять, не выдохнуть этот нелепый мрак,
Будто память нечаянно
ножиком острым вспороли.

Господи, я сносила Твою Вселенную,
как пиджак.

Нет ли у Тебя для меня другой Вселенной,
без тьмы и боли?

Наталья ЛАПТЕВА

аспирант кафедры русского языка и литературы БГПУ

А ВЫ СДАЛИ АНАЛИЗ НА ЛОЖЬ?.

***

Осенний вечер предсказуем:
По капле небо давит дождь.
Ветра холодным поцелуем
Под кожей вызывают дрожь.
И не спастись, и не согреться –
Осталось лето позади.
И проникают прямо в сердце
Дожди.

***

Рас-стояния: вёрсты, мили –
Нас рас-ставили, рас-садили.
Посадили на карантин
И закрыли друг к другу пути.
Придержали до новых встреч,
Чтобы старые больше беречь.
Запретили покрепче обнять.
Что за муки – ни дать и ни взять.